

СТЪ РЕДАКЦИИ

В. Д. СИПОВСКИЙ.

ЛИТЕРАТУРНО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ

Н. Л. Леонтьевой.

Възможно ли было бы, чтобы
этот языкъ былъ языкомъ
какого-нибудь народа?

Възможно ли было бы, чтобы
этотъ языкъ былъ языкомъ
какого-нибудь народа? Въ
этомъ языкѣ нѣтъ ни одного
слова, которое бы имело
какое-нибудь значеніе. Это
языкъ, который не можетъ
быть языкомъ никакаго
народа.

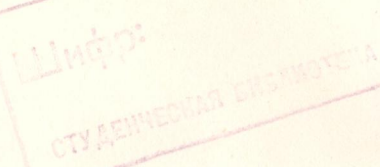
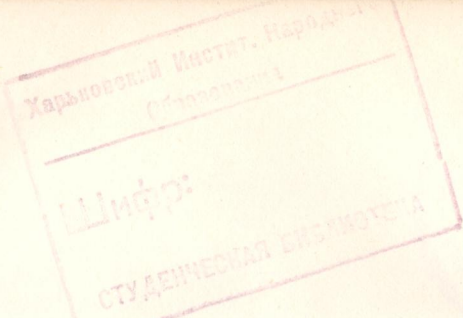
В. Д. СЛОВОСКИНЪ

ПРЕДЛАГАЮЩЕГО СЛОВА

В. Д. СЛОВОСКИНЪ

В. Д. СЛОВОСКИНЪ

В. Д. СЛОВОСКИНЪ

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Предлагая русской читающей публикѣ это собраніе педагогическихъ статей покойнаго В. Д. Сиповскаго, извѣстнаго русскаго педагога, скончавшагося 16 лѣтъ тому назадъ, мы далеки отъ мысли считать это собраніе полнымъ: въ него не вошли нѣкоторыя небольшія статьи о женскомъ образованіи, написанныя В. Д. въ концѣ 70-хъ годовъ и имѣвшія цѣлью добиться скорѣйшаго открытія Высшихъ Женскихъ Курсовъ. Эти курсы теперь насчитываютъ около 30 лѣтъ существованія, такъ что и статьи, за нихъ ратовавшія, могутъ имѣть лишь историческій интересъ. Кромѣ того, покойному В. Д., какъ педагогу-журналисту, приходилось не разъ ломать копье за тотъ или другой жизненный вопросъ въ области школы,—отсюда повторенія, неизбежныя у журнальных работниковъ; поэтому изъ нѣсколькихъ статей, трактовавшихъ объ одномъ и томъ же предметѣ и отличавшихся въ силу вещей аналогичной аргументаціей, мы позволяли себѣ выбирать тѣ, которыя всего ярче и подробнѣе освѣщали ту или другую сторону школьной педагогики *).

Н. Л.

*) Въ основу этого очерка положены двѣ прежнія статьи того же автора: «Памяти учителя» («Образованіе» 1895 г. № 10) и «Педагогическіе взгляды В. Д. Сиповскаго» («Русская Школа» сентябрь 1905 г.).

I.

Жизнь и дѣятельность.

Есть эпохи, которыя налагають особый отпечатокъ на тѣхъ, кому приходилось тогда жить и дѣйствовать. Таковы были знаменитые 60-ые годы прошлаго вѣка, отбросившіе свой яркій отблескъ и на семидесятниковъ. Наслѣдія этихъ обильныхъ жатвою лѣтъ хватило надолго, и даже реакціи 80-хъ годовъ не удалось истребить ихъ плода. Они обладали такой же жизненностью, какъ и тѣ хлѣбныя сѣмена, которыя, пролежавъ болѣе двухъ тысячелѣтій въ гробницѣ фараоновъ, все же дали ростки, едва ихъ посадили въ плодородную почву и спыснули водою. Въ подобные незабвенные періоды выходить на сцену цѣлые ряды замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей, и, когда замолкають ихъ голоса, ихъ рѣчи продолжаютъ жить въ сердцахъ послѣдующихъ поколѣній. Немного шестидесятниковъ теперь уже осталось,—одинъ за другимъ уходятъ они со своей арены, послуживъ, какъ могли, отчизнѣ.

Одного изъ нихъ, ушедшаго слишкомъ рано, въ самомъ разгарѣ кипучей работы, и вспомняемъ мы на этихъ страницахъ. Василій Дмитріевичъ Сиповскій, правда, работалъ всего болѣе въ 70-хъ, 80-хъ и первой половинѣ 90-хъ годовъ, но начало его дѣятельности относится къ эпохѣ обновленія,—къ той славной порѣ, когда русскіе люди послѣ обильныхъ рѣчей, произнесенныхъ ими въ 40-хъ годахъ, могли наконецъ перейти отъ словъ къ дѣлу.

Общее возрожденіе коснулось тогда, какъ извѣстно, и многострадальной русской школы; надъ нелегкимъ дѣломъ ея преобразованія потрудились цѣлая плеяда извѣстныхъ педагоговъ, къ которымъ принадлежалъ и В. Д. Многое изъ того, что они проводили въ свое время, кажется теперь трузимомъ, но если эти положенія стали уже азбучными истинами, то лишь благодаря борьбѣ, выдержанной ихъ защитниками; нѣкоторыя же ихъ мнѣнія и до сихъ поръ не пробились

сквозь броню бюрократической рутины, от которой все еще не освободилась русская практическая педагогика.

В. Д. Сиповскій былъ южанинъ; онъ родился 26 апрѣля 1844 г. въ городѣ Умани; но жилъ онъ и работалъ главнымъ образомъ въ Петербургѣ. Окончивъ съ золотой медалью курсъ Ларинской гимназіи, онъ получилъ затѣмъ высшее образованіе на историко-филологическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго Университета. Талантливому юношѣ предлагали профессуру, но, педагогъ по призванію, онъ предпочелъ университетской кафедрѣ скромное учительское поприще и проработалъ на немъ 27 лѣтъ (съ 1868 по 1895 гг.). Въ первые годы учительской дѣятельности онъ преподавалъ русскій языкъ въ своей же Ларинской гимназіи. Одинъ изъ его учениковъ, впослѣдствіи извѣстный писатель, Н. И. Позняковъ, живо рисуетъ то сильное впечатлѣніе, которое производили на него, тогда 13-лѣтняго мальчика, уроки молодого учителя. Онъ умѣлъ придать интересъ даже сухой грамматикѣ, «хотя она у него проходила съ походя, между прочимъ, при литературномъ разборѣ. В. Д. дѣлалъ отступленія и при этомъ пускался въ блестящую экскурсію въ ту или другую статью, которою завзятый педагогъ-грамматистъ могъ бы подавить малышей, специально посвятивъ ей цѣлый урокъ. Особенно врѣзались въ память нѣкоторыя мѣста изъ ученія о знакахъ препинанія. Впослѣдствіи, самъ принявшись за преподаваніе языка и словесности и припоминая уроки В. Д. Сиповскаго, я могъ оцѣнить эти уроки уже не однимъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ: это были популярныя, какіе только могутъ быть для малышей третье-классниковъ, уроки логики и стилистики. Вотъ, во что обратилъ В. Д. удушющее у другихъ ученіе о знакахъ препинанія. Никакого зубренія, литературныя примѣры, увлекавшіе прелестью звуковъ, и простые, ясныя выводы, невольно запоминавшіеся, залегавшіе въ сознаніе и невольно участвовавшіе дѣтей грамотѣ—вотъ, что мы слышали».

«И все это происходило въ то время, когда классическая система входила въ самый свой разгаръ, когда по другимъ языкамъ мы не слышали ничего, кромѣ «формъ, формъ и формъ», разныхъ аористовъ, аккумулятивовъ и прочей удушающей мертвечины. И среди этихъ-то мертвыхъ формъ мы слышали живую рѣчь, слышали живое освѣщеніе оборотовъ языка живымъ человѣкомъ на живыхъ примѣрахъ—это были единственные уроки, на которыхъ мы *жили*»¹⁾. По словамъ автора этихъ воспоминаній, интересъ къ чтенію, любовь къ книгѣ—развились у него, главнымъ образомъ, со времени занятій у В. Д. «Самъ онъ умѣлъ показать красоты книги. Читалъ онъ отлично,

¹⁾ См. статью Н. И. Познякова «Памяти В. Д. Сиповскаго» («Русская Школа» 1895 г. № 11).

проникновенно, съ любовью къ читаемому, такъ что въ каждомъ звукѣ его голоса слышалась убѣдительность, готовность дать въ любой моментъ истолкованіе мыслей автора. Явилась работа надъ собственнымъ слогомъ, возникли соревнованіе, охота писать сочиненія. В. Д. любилъ давать сочиненія на произвольныя темы». «Конечно», продолжаетъ Н. И. Позняковъ, — «тамъ было немало чепухи, наивнаго дѣтскаго лепета, но никогда не возбуждали они въ немъ желанія подтрунить, оскорбить ученика ѣдкимъ замѣчаніемъ. Мы стали читать, мы начали писать, мы становились маленькими людьми, а не только школярами, которыхъ интересуютъ лишь лапта да рюхи и развлекаетъ лишь издѣвательство надъ чудаками-учителями. Всегда онъ былъ ровень, мягокъ въ своихъ приговорахъ, хотя и не расплывался въ излишней и вредной деликатности. И понятно почему: его мягкость исходила изъ уваженія къ личности ученика, но отнюдь не изъ трусливаго исканія популярности. Популярность создавалась и привилась сама собой». Когда, послѣ недолгой службы въ Ларинской гимназій, В. Д. уѣхалъ въ 1871 г. въ Кіевъ, гдѣ онъ получилъ мѣсто воспитателя и вмѣстѣ преподавателя русской словесности и исторіи въ только что открытой тогда коллегіи Павла Галагана, ученики-ларинцы были чрезвычайно огорчены разлукою съ любимымъ наставникомъ и завязали съ нимъ переписку, откровенно обращаясь къ нему за разрѣшеніемъ обычныхъ юношескихъ сомнѣній и вопросовъ. Не менѣе сильное вліяніе оказалъ В. Д. и на своихъ новыхъ учениковъ въ коллегіи, о чемъ свидѣлствуютъ воспоминанія г. Степовича, впоследствии директора этой же самой коллегіи ¹⁾. «Я узналъ Вас. Дм.», говоритъ онъ, «еще въ возрастѣ переходномъ отъ отрочества къ юности, т. е. въ то чудное время, когда душа открыта для чистѣйшихъ и прекраснѣйшихъ воздѣйствій и вліяній, когда она еще представляетъ собою для даровитаго и живого сѣятеля самую благодарную почву. Намъ было 18 юношей въ возрастѣ отъ 16 до 19 лѣтъ: мы были первыми питомцами коллегіи, этого, въ высшей степени своеобразнаго для русской дѣйствительности, учрежденія: изъ холодной казенной гимназической среды мы попали въ семью молодыхъ воспитателей, воодушевленныхъ лучшими желаніями и идеями. Изъ воспитателей замѣтно выдѣлялся В. Д.—чѣ. Покойный обладалъ замѣчательнымъ воспитательскимъ тактомъ; ему отъкрыта была великая тайна вѣдательства надъ душами. Когда воспитатели раздѣлили насъ между собою для ближайшаго надзора, многіе изъ тѣхъ, кому, къ несчастью, не удалось попасть въ группу В. Д., искренне горевали, иногда даже пускались на разныя, очень небезопасныя для себя, уловки, чтобы только какъ нибудь

¹⁾ «Образованіе» за 1895 г. Декабрь.

попасть под начало незабвенного, любимого воспитателя». Это влияние на молодежь он завоевал «без всяких сь его стороны видимых стараний, единственно лишь в силу своих высоких духовных качеств: сильного и трезвого ума и любящего сердца». Степовичъ, какъ круглый сирота, пользовался особеннымъ вниманіемъ воспитателя, который постоянно оказывалъ ему самую привѣтливую поддержку и, видя въ юношѣ пробуждающійся интересъ къ славяновѣдѣнію, постарался помочь ему правильнымъ, спокойнымъ освѣщеніемъ мудренаго славянскаго вопроса. Естественно, что въ каждую свободную отъ классныхъ занятій минуту В. Д. былъ окруженъ молодежью. «Его увлекательныя, разумныя бесѣды во время послѣобѣденныхъ прогулокъ до сихъ поръ памятны его бывшимъ ученикамъ. В. Д. было тогда всего 28 лѣтъ отъ роду; въ немъ самомъ было много юношескаго жара и задора, много любви къ разнаго рода физическимъ упражненіямъ, играмъ, поѣздкамъ на лодкѣ, далекимъ прогулкамъ. До сихъ поръ я не могу забыть одной изъ такихъ прогулокъ, совершенныхъ въ лѣто 1872 г. Это было цѣлое путешествіе пѣшкомъ по живописному берегу Десны изъ Козельца въ Остерь. Цѣлый день провели мы среди природы въ обществѣ незабвеннаго учителя и хотя очень устали, но были ему чрезвычайно благодарны». Не менѣе успѣшно, чѣмъ воспитательство, шли у молодого даровитаго педагога и уроки словесности и исторіи. Въ преподаваніи словесности онъ держался метода Стоюнина и умѣлъ примѣнять его превосходно.

«Мнѣ до сихъ поръ памятны», пишетъ Степовичъ, «его живые, толковые и чрезвычайно развивавшіе насъ разборы различныхъ литературныхъ произведеній, при чемъ искусно привлекался къ работѣ весь классъ; если мы наталкивались при этомъ на какой-либо теоретическій вопросъ изъ области этики или эстетики, то завязывались между воспитанниками споры, которыми очень умѣло руководилъ В. Д. и обыкновенно направлялъ ихъ къ какому-либо опредѣленному выводу. Грамматикой со взрослыми юношами ему, очевидно, было заниматься скучно, и эти уроки были у него суше, зато вопросы искусства вообще, и въ частности живописи, ваянія, зодчества, — чрезвычайно его занимали, и онъ любилъ выдвигать ихъ».

Разумѣется, такія прекрасныя, чисто человѣческія отношенія между воспитателями и воспитанниками могли установиться лишь потому, что во главѣ коллегіи стоялъ настоящій педагогъ, а не чиновникъ. Это былъ извѣстный В. В. Григорьевъ, личность ученая, благородная и гуманная. Къ сожалѣнію, онъ былъ вскорѣ вынужденъ обстоятельствами покинуть свой постъ. Новый директоръ, С. Н. Шафрановъ, былъ чловѣкъ иного склада и принялся вводить въ коллегіи другіе порядки: «заведены были не существовавшіе до того времени надзиратели, отняты у воспитанниковъ старшаго курса свободные часы, назначенные для пріученія ихъ къ разумному, самостоятельному

употребленію свободнаго времени, и обращены на занятія переводами съ латинскаго подъ руководствомъ самого директора» и т. п.

Все круто измѣнилось; началось повальное бѣгство учащаго персонала въ другія учебныя заведенія; многіе воспитанники также поспѣшили оставить коллегію. Между старшимъ классомъ и директоромъ возникли такія обостренныя отношенія, что, лишь благодаря такту и самоотверженію В. Д., первый выпускъ, «этотъ первенецъ коллегіи, былъ сохраненъ для заведенія».

Но затѣмъ и самъ воспитатель, не сходясь въ основныхъ педагогическихъ взглядахъ съ директоромъ, оставилъ въ 1874 г. службу въ коллегіи и вернулся въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ получилъ мѣсто инспектора въ Васильеостровской женской гимназій. Однако, и коллегіанты, подобно ларинцамъ, не разорвали духовныхъ узъ со своимъ учителемъ и воспитателемъ, и между обѣими сторонами также завязалась обширная переписка. Со многими изъ бывшихъ учениковъ коллегіи у В. Д. установились дружественныя отношенія, длившіяся всю его жизнь. «Нужно было видѣть, какъ стремились коллегіанты къ В. Д., въ Петербургъ, какъ тепло и радушно встрѣчаль онъ ихъ, жертвуя для нихъ иногда значительной долею своего скуднаго досуга, а иногда и недосуга. Почетная попечительница коллегіи, Е. В. Галаганъ, неоднократно выражала желаніе видѣть его во главѣ коллегіи, но по разнымъ причинамъ этому желанію не суждено было осуществиться».

Въ Васильеостровской женской гимназій В. Д. проработалъ 10 лѣтъ въ качествѣ инспектора и преподавателя словесности и исторій. Какъ инспекторъ, онъ живо интересовался всѣми сторонами учебнаго дѣла гимназій и постоянно хлопоталъ о томъ, чтобы ученицы не подвергались переутомленію. Это не значитъ, чтобы онъ былъ сторонникомъ сокращенія программъ, напротивъ того, онъ стоялъ за курсъ серьезный и основательный, но такой, гдѣ вниманіе обращалось бы на главное, а не останавливалось бы на ненужныхъ подробностяхъ. Выступая по необходимости въ роли экзаменатора (хотя онъ былъ принципиальнымъ противникомъ экзаменовъ), онъ и здѣсь оставался вѣренъ себѣ, требуя не массы фактовъ и деталей, которые иногда легко усваиваются привычною памятью, чтобы потомъ, послѣ экзаменаціоннаго искуса, быть забытыми навсегда, а прежде всего пониманія. Пишущей эти строки выпало на долю счастье быть его ученицей въ Васильеостровской гимназій, позже слушательницей его лекцій на Женскихъ Педагогическихъ Курсахъ и наконецъ его сослуживицей въ той же гимназій, и я могу сказать, что извѣстныя строки Некрасова:

«Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
«Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное,
«Русекій народъ...»

были вполне подходящимъ эпиграфомъ къ адресу, который былъ поднесенъ В. Д. однимъ изъ выпускковъ Вас. женской гимназіи. Никакого формализма, никакого рутинерства, ничего чиновническаго, ремесленнаго не замѣчалось въ его дѣятельности; напротивъ того, всякій формализмъ, всякое ремесленное отношеніе къ великому дѣлу воспитанія онъ ненавидѣлъ до глубины души, насколько ненависть была свойственна его мягкой и благородной натурѣ. Дѣти чулки ко всему искреннему; мы чувствовали, что намъ не только говорятъ хорошія слова, которыя иногда могутъ говорить въ классѣ и по обязанности, но передается все то, что вошло въ плоть и кровь учителя, что составляетъ его задушевное убѣжденіе. Гете былъ правъ, говоря: «Нельзя найти дорогу къ сердцу, если твой голосъ исходитъ не изъ сердца». Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ учителей, которые, покончивъ со своими ежедневными обязанностями, сбрасываютъ вмѣстѣ съ вицъ-мундиромъ и интересъ къ своему дѣлу: если слышишь, что въ кругу товарищей В. Д. говорить громче и горячѣ обыкновеннаго, то можно держать пари, что онъ затронулъ какой-либо педагогическій вопросъ, — возстаетъ, можетъ быть, противъ ненормальностей современной школы или рассказываетъ о только что прочитанномъ ученическомъ сочиненіи, которое ему особенно понравилось. Такимъ образомъ, онъ всюду носилъ свое знамя. Одушевляясь самъ, онъ одушевлялъ и ученицъ и, держась того взгляда, что преподаваніе должно непременно возбуждать интересъ, на урокахъ словесности и исторіи считалъ необходимымъ останавливаться на тѣхъ эпохахъ и писателяхъ, которые могутъ заинтересовать молодежь. Нашъ педагогъ не понималъ, какъ можно отводить одинаковое мѣсто Лермонтову и какому-нибудь Лукѣ Жидятѣ, или на войнѣ Алой и Бѣлой Розы останавливаться такъ же долго, какъ и на эпохѣ Возрожденія. «Надо, чтобъ дѣти видѣли», говорилъ онъ, «что учитель тоже человѣкъ, а не говорящій учебникъ, что онъ не можетъ съ тѣмъ же интересомъ излагать сухіе и мелкіе факты, которыхъ не избѣжишь, потому что они въ программѣ, съ какимъ онъ говоритъ о важныхъ для человѣчества эпохахъ, — тѣхъ эпохахъ, гдѣ такъ много жизни и движенія». В. Д. особенно ожилился, когда очередь доходила до одного изъ его любимыхъ историческихъ періодовъ, или если ему приходилось читать классу произведеніе близкихъ его сердцу писателей — Гоголя и Тургенева; но, чуждый всего мертвенно-узкаго, не торопясь, во что бы то ни стало, закончить программу, онъ радъ былъ каждому вопросу, предложенному ученицей, если вопросъ этотъ доказывалъ, что слова его не прошли безслѣдно, а пробудили дремавшій умъ и заставили его начать пытливую работу. Какъ онъ радовался, когда убѣждался изъ отвѣтовъ класса, что та или другая его любимая мысль понята ученицами, и цѣль урока достигнута. «Благодарю васъ», говорилъ онъ, сіяя, и класстъ, видя успѣхъ работы, радовался вмѣстѣ съ нимъ. «Бе-

рите тономъ выше», твердилъ онъ начинающимъ учителямъ: «не спускайтесь слишкомъ къ уровню учениковъ—здѣсь легко впасть въ опасную крайность». Послѣдствія часто показывали, что В. Д. былъ правъ. Во время такихъ классныхъ бесѣдъ ученицамъ случалось, конечно, высказывать недозрѣлыя, непродуманныя мысли и скоропѣлыя сужденія, но В. Д. со свойственной ему деликатной добротой снисходительно и ободряюще относился къ этимъ робкимъ попыткамъ пробуждающагося ума, вступалъ въ споры и радовался, когда ученица умѣла отстоять свое мнѣніе. «Не бойтесь споровъ», говорилъ онъ не разъ: «споръ, если и не убѣдитъ противника, то все же посѣетъ въ немъ сомнѣніе въ собственной правотѣ, а это очень важно. Наконецъ, споръ имѣетъ и другую цѣнную сторону: онъ поможетъ вамъ самимъ лучше выяснитъ ваши взгляды».

Мы уже говорили, что В. Д., ради приученія дѣтей къ самостоятельной работѣ, любилъ давать сочиненія на *свою* тему; но, боясь, однако, появленія фразерства, онъ всегда предлагалъ ученицамъ заранее сообщать ему о выбранной темѣ. Фразерства онъ не терпѣлъ и каралъ за него, но мягко и добродушно, со свойственнымъ ему живымъ и деликатнымъ юморомъ;—предостерегалъ онъ и отъ ранняго щеголянія остроуміемъ: «Не забывайте», повторялъ онъ, «что остроуміе является часто въ ущербъ глубокимъ мыслямъ». Зато, замѣтивъ въ комъ-либо изъ ученицъ хотя проблескъ даровитости, В. Д. спѣшилъ разжечь эту искорку, зная, что она можетъ разгорѣться и согрѣть ее самую и тѣхъ, съ кѣмъ сведетъ ее жизнь. И въ Вас. гимназій, какъ раньше въ Ларинской, въ коллегіи Галагана и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподавалъ В. Д. (онъ преподавалъ еще въ Маріинской женской гимназій, въ Патріотическомъ институтѣ и др.), его вліяніе простиралось и на внѣклассное чтеніе. Онъ не держался того взгляда, что книги для чтенія должны подвергаться строгой классификаціи въ зависимости отъ возраста учащихся и проходить чрезъ нѣсколько горниль,—напротивъ того, онъ полагалъ, что вредъ отъ неразборчиваго чтенія ничто въ сравненіи съ тѣмъ, который происходитъ отъ невѣжества. На урокахъ исторіи В. Д. постоянно указывалъ на тѣ историческіе романы, которые хорошо иллюстрируютъ пройденный курсъ, и подъ его вліяніемъ мы зачитывались Вальтеръ-Скоттомъ. По его же мысли и подъ его руководствомъ въ гимназій устраивались литературные вечера, благодаря которымъ ученицы лучше и подробнѣе знакомились съ родной словесностью, а въ особенности съ писателями, не входившими тогда въ обычную программу (наприм., съ Островскимъ). Онъ не проходилъ молчаніемъ ни одного юбилея, ни однихъ литературныхъ поминокъ, и, не ожидая соответствующаго циркуляра, участвовалъ въ нихъ и дѣломъ, и словомъ. Читалъ онъ, какъ выше сказано, мастерски, и въ его чтеніи и величавый Лиръ, и ничтожный Подколесинъ выходили живыми личностями. Что ка-

сается танцевальных вечеровъ, то В. Д. былъ всегда противъ нихъ, «Не идетъ школъ», говорилъ онъ: «брать на себя устройство подобныхъ развлеченій».

Не могу не привести нѣсколькихъ фактовъ, которые какъ нельзя лучше, говорятъ о вліяніи этого замѣчательнаго педагога на его ученицъ. Говоря какъ-то о повѣсти Гоголя, «Старосвѣтскіе помѣщики», онъ сказалъ съ сокрушеніемъ: «И подумать только, что многія изъ васъ сдѣлаются со временемъ такими Пульхеріями Ивановнами». На бурный протестъ класса онъ возразилъ съ грустью, что такія превращенія совершаются сплошь и рядомъ, постепенно и почти незамѣтно; они тѣмъ и страшны, что въ нихъ, повидимому, нѣтъ ничего страшнаго: житейская пошлость одолеваетъ и мало-по-малу передѣлываетъ человѣка по своему. Я помню, какъ ученицы послѣ этого урока клялись чуть не аннибаловой клятвой не забывать предостерегающихъ словъ учителя.

Какъ у личности оригинальной и крупной, у В. Д. и на школьную дисциплину были своеобразные взгляды, вынесенные имъ изъ знаменательной эпохи 60-хъ годовъ. Эти взгляды нашли себѣ полное выраженіе въ его статьѣ «О школьной дисциплинѣ». Здѣсь авторъ рельефно провелъ разницу между дисциплиной кажущейся, результатомъ хорошо организованнаго полицейскаго надзора, и той дисциплиной, которая вытекаетъ изъ уваженія къ наставнику и интереса къ предмету преподаванія. Именно такая дисциплина царила на урокахъ В. Д.: самые буйные классы мгновенно умолкали, когда въ дверяхъ показывалась его фигура. Свой гуманный взглядъ на классную дисциплину онъ проводилъ и на педагогическихъ конференціяхъ: ему недостаточно было услышать о проступкѣ какой-нибудь ученицы, нѣтъ, какъ истый педагогъ, онъ желалъ всегда разъяснить мотивы этого проступка, чтобъ въ нихъ найти смягчающія, а можетъ быть, и совсѣмъ оправдывающія обстоятельства. Эти конференціи, на которыхъ онъ каждый разъ поднималъ интересные педагогическіе вопросы и съ живымъ участіемъ прислушивался къ оцѣнкѣ учащихъся, останутся навсегда памяты его товарищамъ, а для начинающихъ учителей онѣ были полезной, въ высшей степени поучительной школой.

Онъ всегда былъ вѣренъ этому мягкому, гуманному отношенію къ дѣтямъ. Случилось какъ-то, что вызванная имъ ученица не отвѣтила ни на одинъ изъ предложенныхъ ей вопросовъ, хотя многіе изъ нихъ поражали своей легкостью, и отвѣтъ на нихъ не представлялъ никакого затрудненія. Учитель не поторопился покарать ее единицей, какъ сдѣлали бы, пожалуй, другіе на его мѣстѣ, но, видимо, былъ огорченъ ее поведеніемъ. На слѣдующій разъ та же самая дѣвочка (дѣло было въ IV классѣ), ребенокъ капризный и избалованный, по собственной инициативѣ подошла къ нему и попросила извиненія: «Почему же вы не отвѣчали вчера?» мягко спросилъ ее В. Д.

«Изъ упрямства», отвѣтила дѣвочка съ полными слезъ глазами. «Я радъ, что вы сознались откровенно», просто и серьезно сказалъ ей учитель, и ученица ушла на свое мѣсто съ твердой рѣшимостью загладить свой проступокъ усердной работой по исторіи, въ чемъ и успѣла вполне. «Это не вапъ отвѣтъ, не правда ли?» замѣчалъ онъ иногда гимназисткѣ, и та, хотя и была извѣстна своей бойкостью, невольно потупляла голову подъ пристальнымъ взглядомъ его умныхъ, глубокихъ глазъ и шептала едва слышно: «Да, мнѣ подсказали». «Какъ тебѣ не стыдно было такъ огорчить В. Д.?» накидывались часто гимназистки на плохо отвѣчавшую подругу. Къ экзамену по исторіи и русской словесности мы усиленно готовились не изъ страха плохой отмѣтки, а оттого, что просто совѣстно было отвѣтить ему неудовлетворительно. При всей своей добротѣ онъ, встрѣтаясь съ лѣнью и незнаніемъ, высказывалъ самое глубокое негодованіе, которое дѣйствовало благотворно и на виновную, и на окружающихъ: въ такихъ случаяхъ, по его мнѣнію, не слѣдовало скрывать справедливаго гнѣва—для впечатлительной ученицы онъ можетъ оказаться спасительнымъ: она увидитъ его и пойметъ, что учитель недоволенъ потому, что успѣхъ дѣла особенно близокъ его сердцу.

Забываясь о томъ, чтобы ученицы получали надлежащую духовную пищу, такъ какъ «не о единомъ хлѣбѣ живѣ человѣкъ», добрый и великодушный инспекторъ не упустилъ изъ виду и того, что у многихъ гимназистокъ и этотъ обыкновенный хлѣбъ водится не въ изобиліи. Поэтому въ 1879 г. стараніями его, а равно и покойной главной надзирательницы С. К. Красовской, было основано при Вас. жен. гимназіи благотворительное общество, существующее и понынѣ; но бѣдныхъ было много, денегъ въ кассѣ общества было мало, и вотъ, чтобы не доводить до исключенія изъ гимназіи за невзносъ платы своихъ нуждающихся ученицъ, самъ В. Д. платилъ за ту или другую нерѣдко изъ собственныхъ скромныхъ средствъ, причемъ съ присущимъ ему тактомъ умѣлъ устраивать такъ, что самолюбіе дѣвушки, получавшей помощь, особенно чувствительное въ ранней молодости, было всегда пощажено.

Сердечное отношеніе къ учащимся никогда не покидало его, и ему всегда было пріятно узнать впоследствии о судьбѣ кого-либо изъ нихъ. «А вѣдь какой хорошій человѣкъ изъ нея вышелъ!» говорилъ онъ о какой-нибудь изъ своихъ бывшихъ ученицъ и скромно отпѣкивался, когда собесѣдники доказывали ему, что, если изъ этой дѣвушки вышелъ полезный членъ общества, то здѣсь его заслуга. Трудъ педагога часто бываетъ неблагодаренъ: опытъ научаетъ, что не всегда можно довѣрять тѣмъ результатамъ нашей работы, которые получаются, пока ученицы сидятъ на школьной скамѣ; настоящие результаты скажутся только потомъ, когда всѣ эти многочисленные пенцы широко расправятъ свои молодые крылья и улетятъ *«in die weite Welt»*.

Зато сколько радости испытывает такой педагогъ, какъ В. Д., когда до него доходятъ отрадные вѣсти о бывшихъ питомцахъ. Многимъ изъ нихъ удалось выбиться и поднять на ноги цѣлыя семьи, благодаря лишь постоянному участію этого учителя съ широкимъ умомъ и золотымъ сердцемъ. Нѣкоторыхъ онъ побудилъ заняться литературнымъ трудомъ и далъ имъ такимъ образомъ въ руки постоянную духовную поддержку, такой ресурсъ, при которомъ несравненно легче переносить давящую житейскую пошлость и не поддаваться ей.

Какъ инспекторъ, В. Д. Сиповскій всегда входилъ въ положеніе служащихъ, стремился облегчить его, насколько это отъ него зависѣло, не разъ мужественно отстаивалъ онъ своихъ сослуживцевъ передъ высшимъ начальствомъ и, сдѣлавъ это, старался ступешаться, уклониться отъ горячаго выраженія благодарности. Щадя самолюбіе молодыхъ педагоговъ, онъ снисходительно относился къ ихъ ошибкамъ, неизбѣжнымъ въ началѣ труднаго поприща,—разъяснялъ промахи, ободрялъ недовольныхъ, считая такое «недовольство» вѣрнымъ залогомъ будущихъ успѣховъ. Онъ не прощалъ только равнодушія и легкаго отношенія къ дѣлу. Какъ опечалены были и дѣти, и служащіе, когда въ 1885 г. они узнали, что В. Д. покидаетъ Васильеостровскую гимназію, чтобы занять мѣсто директора училища глухонѣмыхъ. Прощаясь съ горячо любимымъ учителемъ, ученицы старшаго класса поднесли ему слѣдующіе стихи:

«Мы всѣ пойдемъ различными путями,
«И жребій въ жизни насъ различный ждетъ,
«Но все, все сказанное вами
«До гроба съ нами проживетъ.

* * *

«Намъ не забыть рѣчей гуманныхъ,—
«Рѣчей, исполненныхъ тепла,
«Желаній чистыхъ и прекрасныхъ
«Идти всегда путемъ добра.

* * *

«Пройдутъ минуты, дни и годы,
«Межъ насъ иныя отживутъ,
«Иныя встрѣтятъ лишь невзгоды,
«Иныя-жъ радости найдутъ.

* * *

«Какъ знать, что намъ судьба готовитъ?
«Но, вѣрьте, памяти о васъ
«Ничто мірское не изгонитъ,
«Жить будетъ вѣкъ она средъ насъ!»

Эти дѣтски-неумѣлыя строки трогательны, потому что онѣ дышатъ искреннимъ, хорошимъ чувствомъ. «Мы теряемъ въ васъ не только наставника, но и друга», писали ученицы въ прощальномъ адресѣ, «Воспоминаніе о Васѣ будетъ всегда соединено съ счастливейшими и лучшими днями нашего дѣтства и юности». Дѣйствительно, память о В. Д. продолжаетъ жить среди его духовныхъ дочерей.

Съ переходомъ въ училище глухонѣмыхъ для В. Д., по его собственному сознанію, настала самая трудная полоса жизни. Дѣйствительно, какъ онъ и говорилъ неоднократно, мѣсто было не по немъ: онъ былъ, какъ удачно выразился о немъ авторъ вышеприведенныхъ воспоминаній, Н. И. Позняковъ, преимущественно «человѣкъ кабинета и класса — литераторъ и педагогъ», а здѣсь на него легли сложныя административныя обязанности, въ томъ числѣ завѣдываніе мастерскими училища, типографіей, переплетной и т. п.; наконецъ, на немъ же лежалъ здѣсь и надзоръ за хозяйственной частью. Эти-то заботы и унесли, капля за каплей, его нѣкогда цвѣтущее здоровье. Благородный, великодушный, довѣрчивый, интеллигентный съ головы до ногъ, онъ неспособенъ былъ къ мелкимъ усчитываніямъ, къ постоянной подозрительности. Гораздо болѣе интересовала его въ училищѣ глухонѣмыхъ педагогическая часть, въ которой онъ и явился реформаторомъ. При немъ, по словамъ Н. М. Лаговскаго, автора историческаго очерка «С.-Петербургское училище глухонѣмыхъ», произошла полная реорганизація заведенія, при чемъ окончательно утвердился «устный методъ» обученія, смѣнившій прежній «мимическій». Для успѣшнаго хода дѣла, по инициативѣ В. Д., было составлено нѣсколько специальныхъ учебниковъ, и самъ директоръ принималъ участіе въ этой работѣ: онъ составилъ и напечаталъ книгу разсказовъ изъ Свящ. Исторіи Ветхаго Завѣта, приуроченныхъ къ особенностямъ новаго метода обученія, а также и «Записки по русской исторіи» для выпускнаго класса, гдѣ онъ самъ преподавалъ этотъ предметъ; но послѣднія, къ сожалѣнію, не были напечатаны. Но особенно онъ занялся, по словамъ цитируемаго нами автора, такъ сказать, воспитаніемъ «новыхъ учителей» въ «новомъ училищѣ», такъ какъ, находя приемы преподаванія и воспитанія въ училищѣ недостаточно гуманными, онъ хотѣлъ постепенно измѣнить старую воспитательную систему. «Воспитаніе новыхъ служащихъ велось Василіемъ Дмитріевичемъ двояко: путемъ частной бесѣды и путемъ общихъ собраній, или конференцій. В. Д. очень близко и подробно присматривался къ каждому изъ служащихъ на его работѣ и всегда находилъ поводъ и безобидный способъ поучать и направлять дѣйствія поучаемаго къ общему его и ему довѣренныхъ дѣтей благу. Частныя бесѣды его носили совершенно задушевный, какъ бы отеческій характеръ. Нѣкоторые изъ молодыхъ кандидатовъ, дѣлая порой по горячности промахи въ воспитательномъ дѣлѣ, сами шли съ повинной къ В. Д., даже и въ томъ случаѣ,

когда отлично знали, что ошибка ихъ никѣмъ узнана быть не можетъ. Такова была увѣренность въ его добросердечномъ отношеніи къ дѣлу и человеку». Обучение глухонѣмыхъ дѣло крайне трудное, оно неизмѣримо труднѣе преподаванія дѣтямъ нормальнымъ, но благодаря вліянію директора, послѣ каждой общей конференціи замѣчался подъемъ духа въ средѣ преподающихъ. «Легко работалось въ классѣ, легко переносились тягости воспитательной стороны дѣла». Съ обычной гуманностью В. Д. понималъ, сколько силъ отдавали его молодые сотрудники дѣлу, и всегда хлопоталъ объ улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія ¹⁾. Въ обращеніи съ ними онъ былъ чрезвычайно простъ и доступенъ, и хотѣлъ, чтобы они видѣли въ немъ не начальника, а товарища. Узнавъ однажды, что группа воспитателей и воспитательницъ отправляется въ театръ и жалѣетъ, что одинъ изъ коллегъ, какъ дежурный, не можетъ раздѣлится съ ними удовольствія, В. Д. сказалъ просто «Идите, я подежурю!»—и, дѣйствительно, продежурилъ до возвращенія молодежи изъ театра. Если онъ дѣлалъ замѣчаніе кому-либо изъ наставниковъ, или наставницъ, то всегда придавалъ ему мягкую и деликатную форму. «Не находите ли вы, что этотъ пріемъ надо нѣсколько измѣнить?»—говорилъ онъ преподавателю и внимательно выслушивалъ представляемые ему возраженія, входя въ обсужденіе тѣхъ или другихъ доводовъ оппонента. Вотъ въ силу такихъ, полныхъ уваженія къ сотрудникамъ, отношеній старые служащіе училища до сихъ поръ вспоминаютъ о времени директорства В. Д., какъ о золотой порѣ ихъ дѣятельности. Сколько онъ давалъ цѣнныхъ педагогическихъ указаній, какъ умѣло направлялъ молодую энергію воспитателей въ надлежащее русло!

Неусыпно заботясь объ участи несчастныхъ, обиженныхъ природою, воспитанниковъ училища, В. Д. старался, чтобы они вышли изъ школы вооруженными для борьбы съ жизнью. Изученіе ремеселъ при немъ было расширено, самыя мастерскія для старшаго возраста получили лучшую постановку. Обращеніе съ глухонѣмыми дѣтьми, вмѣсто прежнихъ грубыхъ пріемовъ старой школы (при первомъ появленіи В. Д. въ училищѣ онъ натолкнулся сейчасъ же на обычное наказаніе для строптивыхъ учениковъ—стояніе на колѣняхъ), приняло мягкія культурныя формы.

Люди уходятъ, но ихъ дѣла остаются, и вотъ хотя прошло 16 лѣтъ со времени смерти В. Д., но гуманныя традиціи, принесенныя имъ съ собой въ училище глухонѣмыхъ, продолжаютъ жить въ его стѣнахъ, по словамъ старыхъ сослуживцевъ рано умершаго директора.

Оставивъ послѣ назначенія на директорскій постъ всѣ уроки въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, В. Д. сохранилъ, однако, за собой

¹⁾ Его усилія увѣнчались успѣхомъ, и при немъ содержаніе учащаго персонала было значительно увеличено.

463052

лекціи русской исторіи на Женскихъ Педагогическихъ курсахъ, которыя онъ читалъ тамъ съ 1878 г., замѣнивъ покойнаго Б. А. Павловича, своего товарища и также талантливаго историка, рано похищеннаго смертію. Онъ держался здѣсь тѣхъ же взглядовъ, что и въ гимназій, обращая особенное вниманіе на исторію культуры, на внутренней смыслъ событій и цѣня, главнымъ образомъ, въ слушательницахъ самостоятельность работы. И на курсахъ онъ отличался въ качествѣ лектора рѣдкимъ умѣнiемъ пробуждать сильный интересъ къ предмету. На экзаменахъ В. Д. цѣнилъ не столько твердое знаніе его собственныхъ лекцій, сколько степень начитанности слушательницъ въ исторической области, и требовалъ отъ нихъ, какъ отъ людей взрослыхъ, извѣстной стройности изложенія, гармоніи содержанія и формы. Увлекаясь и здѣсь своимъ предметомъ, онъ, случалось, забывалъ о позднемъ часѣ и тутъ же, на экзаменѣ, принимался за разъясненіе любимыхъ мыслей и положеній. Многимъ изъ его слушательницъ, я думаю, хорошо памятна та горячая, исполненная одушевленія рѣчь, которую произнесъ В. Д. 19 февраля 1880 года, въ день 25-лѣтія царствованія Александра II. Онъ нарисовалъ въ ней яркую картину дореформенной Россіи, которая была—

«Въ судахъ черна неправдой черной
«И игомъ рабства клеймена».

Какъ дрожалъ и прерывался отъ хорошаго, душевнаго волненія его мягкій, симпатичный голосъ, когда онъ затѣмъ перешелъ къ великимъ реформамъ 60-хъ годовъ и выяснилъ аудиторіи, какія широкія перспективы развернули онѣ передъ русскимъ народомъ, какія таились въ нихъ надежды на лучшее будущее. Онъ зналъ, что многимъ изъ этихъ надеждъ далеко было до осуществленія, но онъ былъ оптимистъ, какъ всѣ шестидесятники.

Въ эту нелегкую, какъ уже сказано, пору его жизни освѣженіемъ для него служилъ любимый журналъ, который онъ издавалъ съ 1876 г. сначала подъ именемъ «Женскаго Образованія», а съ 1892 г. подъ именемъ «Образованія» (съ 1892 г. программа журнала была значительно расширена). Педагогическіе журналы у насъ читаются немногими: «мы лѣнны и не любопытны», сказалъ Пушкинъ; поэтому средства на изданіе были скудны, и В. Д. совмѣщалъ въ своемъ лицѣ редактора, издателя, секретаря и присяжнаго сотрудника - хроникера; какъ хроникеръ, онъ прочитывалъ, въ поискахъ матеріала, массу русскихъ провинціальныхъ газетъ и журналовъ, не говоря уже о педагогической иностранной прессѣ. Онъ самъ лично держалъ и корректуру всѣхъ статей. Журналъ бралъ у него не только много времени, но поглощалъ и массу денегъ, такъ какъ всегда щедрый редакторъ не только никогда не отказывалъ со-

трудникамъ въ авансахъ, но и платилъ часто гонораръ за статьи еще не написанныя, которыя потомъ такъ и не появлялись въ свѣтъ,—давалъ впередъ и за статьи еще не прочитанныя, руководясь лишь жалкимъ видомъ неизвѣстнаго автора, а статья оказывалась потомъ никуда негодной. Постоянные сотрудники журнала могли засвидѣтельствовать широкую терпимость В. Д., его постоянное уваженіе къ чужому мнѣнію; но онъ былъ врагомъ рѣзкой, хлесткой критики, и она не имѣла мѣста въ его журналѣ. Не взирая на небольшіе размѣры журнала, онъ сумѣлъ сгруппировать вокругъ него сотрудниковъ съ такими блестящими педагогическими именами, какъ В. П. Острогорскій, А. Н. Страннолюбскій, Д. Д. Семеновъ. Это были не только цѣнные его сотрудники, но и личные друзья В. Д., высоко его цѣнившіе.

Помимо журнальной работы, какъ извѣстно, изводящей своей неумолимой срочностью, такъ что передъ выходомъ очередной книжки В. Д. не имѣлъ ни минуты отдыха, онъ немало времени посвящалъ своему капитальному труду: «Родной Старинѣ», отечественной исторіи въ разсказахъ и картинахъ, а затѣмъ «Исторіи древней Греціи» (къ сожалѣнію, успѣла выйти только 1-ая часть этой послѣдней). Оба сочиненія составлены такъ живо и интересно, съ такимъ знаніемъ дѣла и умѣньемъ дѣйствовать на юныхъ читателей, что и до сихъ поръ, несмотря на крупные шаги, сдѣланные за послѣднее время исторической наукой, безъ нихъ не можетъ обойтись ни одна школьная библіотека, и въ каждой изъ нихъ приходится заводить по нѣсколько экземпляровъ и той, и другой книги, такъ какъ они берутся нарасхватъ и учащими, и учащимися. Такимъ же неизмѣннымъ успѣхомъ пользуется и историческій очеркъ В. Д.: «Сократъ». Личность знаменитаго греческаго мудреца особенно занимала нашего историка, и уроки, ему посвященные, выходили у него наиболѣе блестящими. «Съ какой любовью шла у него эта работа!» вспоминаетъ Н. И. Позняковъ. «Съ какой охотой онъ разыскивалъ источники, обращался за совѣтами къ авторитетнымъ ученымъ, радъ былъ каждому новому свѣдѣнію, приглашалъ художниковъ для иллюстрированія своего труда, рылся въ иностранныхъ сочиненіяхъ, добывая подходящіе рисунки». Какъ огорчался онъ, когда листы его книги возвращались ему изъ цензуры испещренные краснымъ карандашомъ. То были вѣдь недоброй памяти 80-ые годы, когда и самыя невинныя строки, касавшіяся даже отдаленнаго прошлаго, часто вычеркивались не въ мѣру усерднымъ цензоромъ.

Всѣмъ этимъ еще не исчерпывалась многообразная дѣятельность Вас. Д. — ча: онъ былъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, и самъ нерѣдко выступалъ въ нихъ со своими педагогическими рефератами. Такъ еще въ 1871 г. онъ читалъ въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Обществѣ свой, возбуждившій оживленныя пренія, рефератъ: «О препо-

даваніи исторіи», при чемъ самымъ сильнымъ оппонентомъ, по собственному сознанию автора реферата, была юная С. К. Кавелина (Брюлова), память которой онъ почтилъ впоследствии прочувствованнымъ некрологомъ. Въ 1888 г. въ засѣданіи Комитета грамотности (теперь уже не существующаго) В. Д. сдѣлалъ обстоятельный докладъ о педагогическихъ заслугахъ покойнаго Стоюнина. Если въ этихъ обществахъ затрагивался какой-нибудь живой вопросъ, В. Д. непременно принималъ самое горячее участіе въ его обсужденіи.

Такая кипучая работа, не позволявшая ему предаться хотя бы кратковременному отдыху (несмотря на все свое желаніе, В. Д.—чу никогда не удавалось съѣздить за границу), не могла не отразиться на здоровьѣ талантливаго труженика. Осенью 1893 г., когда исполнилось 25-лѣтіе педагогической дѣятельности В. Д., друзья и сотрудники пожелали почтить его юбилейнымъ обѣдомъ. Въ числѣ произнесенныхъ тогда рѣчей особенно блестящей вышла рѣчь А. Я. Острогорскаго, тоже теперь покойнаго. Онъ, однако, употребилъ въ ней одну неудачную фразу, сказавъ, что онъ не видѣлъ начала дѣятельности юбиляра, ораторъ прибавилъ, что «зато онъ теперь присутствуетъ при заключительныхъ аккордахъ художественно исполненной симфоніи». Это выраженіе оказалось пророческимъ: то были, дѣйствительно, «послѣдніе аккорды». В. Д. мечталъ, выслуживъ пенсію, отказаться отъ директорства и, вполнѣ устроивъ сына, поселиться гдѣ-нибудь на югѣ и заняться новыми историческими трудами. Этимъ мечтамъ не суждено было сбыться: лѣтомъ 1895 г., послѣ бурной конференціи въ училищѣ, на которой В. Д. горячо отстаивалъ свои педагогическіе взгляды, съ нимъ сдѣлался нервный ударъ, и чрезъ два дня его не стало; онъ скончался 21 іюля въ 6 ч. утра въ лѣтнемъ помѣщеніи училища глухонѣмыхъ, въ селѣ Лисино, на станціи Тосна, и былъ похороненъ 23 іюля на Смоленскомъ кладбищѣ.

Пожалуй, читатели скажутъ, что мы написали панегирикъ, а не біографію, но мы не скрываемъ, что и покойный В. Д. имѣлъ, можетъ быть, недостатки, свойственные и самымъ прекраснымъ людямъ. Многіе находятъ, что, какъ профессоръ, онъ не стоялъ такъ высоко, какъ учитель,—самое разнообразіе его работъ обуславливало возможность пробѣловъ въ нихъ. Но онъ первый и отмѣчалъ эти пробѣлы: въ немъ постоянно жило то «святое недовольство», съ которымъ «не убъжишь изъ строя». Потому-то онъ не убѣждалъ, а палъ въ строю. Незадолго до смерти онъ самъ изложилъ свою автобіографію въ слѣдующемъ стихотвореніи:

«Когда въ жизнь я вступалъ,
«Словно рекрутъ въ бою,
«Я блѣднѣлъ, трепеталъ;

«Бой меня ужасаль,
«И недвижимъ стоялъ
«Я въ послѣднемъ строю.
«Но кипѣлъ жаркій бой,
«Онъ меня охмѣлилъ,
«И съ отвагой шальной,
«Какъ солдатъ молодой,
«Я кидался въ тотъ бой
«И себя не щадилъ...
«Я въ бояхъ побывалъ,
«Много вынесъ я ранъ,
«Много бѣдъ испыталъ,
«Смерть я близко узналъ—
«Я друзей погребалъ!
«Я теперь—ветеранъ!
«И на кличъ боевой
«Я навстрѣчу врагамъ
«Пойду твердой ногой
«На смертельный ужъ бой,
«И цѣной дорогой
«Жизнь врагу я продамъ!

Дѣйствительно, въ этихъ стихахъ выразилась вся жизнь его. Говоря словами его близкаго друга и сотрудника, извѣстнаго педагога В. П. Острогорскаго, «онъ прожилъ тяжелую эпоху и разочарованій, и небывшихся упованій и надеждъ,—эпоху борьбы свѣта съ тьмой, эпоху тяжелыхъ утратъ, эпоху, которая сломила цѣлые ряды людей мысли и дѣла. А онъ, нашъ покойный другъ, выступившій въ путь сначала робко и неувѣренно, все крѣпнѣя духомъ, и умеръ, какъ солдатъ на посту, не измѣнивъ себѣ до конца. Съ нимъ вмѣстѣ сошелъ съ жизненнаго поприща одинъ изъ послѣднихъ педагогическихъ могиканъ просвѣтительной эпохи («Памяти В. Д. Сиповскаго» В. П. Острогорскаго. «Образованіе» январь 1896 г.).

Это былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ «рыцарей духа», ряды которыхъ рѣдѣютъ съ каждымъ годомъ, но безъ нихъ нива жизни заглохла бы и окончательно поросла сорной травой. Еслибъ больше было такихъ педагоговъ, не раздавались бы такъ часто нападки на бѣдную русскую школу. «Всякій, кто имѣлъ счастье приходиться въ соприкосновеніе съ В. Д.», пишетъ черезъ 10 лѣтъ послѣ его кончины А. Я. Острогорскій, «выносилъ на всю жизнь радостное, возвышающее воспоминаніе объ этомъ идеалистѣ, всѣмъ существомъ своимъ олицетворявшемъ свѣтлый образъ истиннаго учителя». (См. «Обр.» 1905 г.).—«Вся его жизнь, прекрасная, безупречная, была исполнена одного стремленія—помочь русскому народу, приблизить его къ свѣту, къ знанію, которые онъ умѣлъ цѣнить» (Ibid).

II.

Педагогическіе взгляды.

В. Д. Сиповскій проработалъ, какъ мы видѣли, 27 лѣтъ на педагогической аренѣ и былъ не только теоретикомъ, но и практикомъ-педагогомъ, почерпавшимъ свои выводы изъ непосредственныхъ наблюденій и опытовъ. Замѣчательно то, что, не смотря на неизбѣжно связанную съ карьерой русскаго педагога разочарованіи и неудачи, идеализмъ никогда не покидалъ его. Вѣра въ человѣка, въ даровитаго русскаго человѣка въ особенности, всегда поддерживала его въ трудныя минуты.

Онъ вѣрилъ поэтому и въ свое дѣло, въ святость своего призванія и съ горестнымъ изумленіемъ слушалъ рѣчи тѣхъ учителей-восьмидесятниковъ, которые, смотря часто на уроки только, какъ на средство къ существованію, мало интересовались результатами своего преподаванія и вели его, какъ попало, не задумываясь надъ вопросами воспитанія, не страдая отъ мучительныхъ сомнѣній.

Взглядъ Сиповскаго на учителя, какъ на служителя высокой идеи, лучше всего выразился въ его статьѣ: «Учитель и учительница» («Жен. Обр.» 1891 г. № 1).

«Что такое учитель?» говоритъ онъ въ началѣ статьи. «Если посмотрѣть на этотъ вопросъ съ идеальной точки зрѣнія, то надо отвѣтить такъ: учитель это лицо, посвящающее свои труды одному изъ самыхъ высокихъ и благородныхъ дѣлъ—развитію духовныхъ силъ подрастающихъ поколѣній, руководству ихъ на пути къ истинѣ, возбужденію въ нихъ жажды къ ней и утоленію ея живыми и плодотворными знаніями, добытыми наукою».

Отсюда ясенъ выводъ: дѣятельность, преслѣдующая подобныя возвышенныя цѣли, требуетъ и особаго призванія, и спеціальной подготовки.

Съ жаромъ защищая необходимость педагогической подготовки, покойный педагогъ отвергалъ, однако, цѣлесообразность учитель-

скихъ интернатовъ, совѣтуя лучше прикомандировывать молодыхъ людей, желающихъ посвятить себя учительскому дѣлу, къ одной изъ петербургскихъ гимназій, съ цѣлью практическаго ознакомленія съ педагогикой, при чемъ по истеченіи назначеннаго срока кандидатъ подвергается испытанію въ особой комиссіи изъ преподавателей избраннаго имъ предмета и инспектора, или директора. Что касается учительскихъ интернатовъ, то В. Д. всегда относился къ нимъ отрицательно, указывая на нежелательность той нивелировки, къ которой приводить молодыхъ людей интернаты.

Указывалъ В. Д. и на тѣ обстоятельства, которыя мѣшали правильной постановкѣ у насъ педагогическаго дѣла. Привлечь молодежь къ этому поприщу, усѣянному терніями, можно лишь съ помощью слѣдующихъ условій: 1) повышенія содержанія и пенсій, 2) поднятія служебнаго положенія учителя и 3) предоставленія ему болѣе свободъ дѣйствій. Въ особенности же необходимы для оживленія учительской работы съѣзды, курсы, педагогическія общества (см. ст. «Учитель и учительница»).

Не мало вредитъ дѣлу разнѣ школы съ обществомъ и казенное отношеніе наставниковъ къ дѣтямъ и ихъ родителямъ. Рѣдко услышите вы отъ послѣднихъ одобрительные отзывы о преподавателяхъ, обучающихъ ихъ дѣтей въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, зато часто увидите враждебное чувство къ нимъ, какъ къ «бездушнымъ чиновникамъ, для которыхъ какіе-то пункты и параграфы какихъ-то инструкцій дороже живыхъ людей». Вотъ почему еще въ 1891 г. В. Д. говорилъ въ своемъ журналѣ о необходимости допустить родителей на школьныя конференціи, такъ какъ, «игнорируя сближеніе съ семьей, школа лишается могучей, образовательной силы, которая могла бы освѣтить ей не одну ученическую натуру съ ея особенностями».

Впрочемъ, и малая культурность большинства родителей служить иногда тормазомъ при улучшеніи педагогическаго дѣла: они прежде всего думаютъ о томъ, чтобъ «дѣти ихъ учились поменьше, а правъ получили побольше»; даже идеально обставленная общеобразовательная школа рисковала бы остаться безъ учениковъ, еслибъ окончаніе курса въ ней не давало никакихъ правъ (Ibid).

Нападая на недостатки средней школы, Вас. Дм. отдавалъ, тѣмъ не менѣе, должную справедливость женскому учительскому труду и, еслибъ ему удалось дожить до нашего времени, онъ съ радостью отмѣтилъ бы расширеніе правъ учительницы: теперь разрѣшается лицамъ, окончившимъ Высшіе Женскіе Курсы или Женскій Педагогическій Институтъ, преподавать и въ старшихъ классахъ гимназій. Какъ убѣжденный сторонникъ высшаго женскаго образованія, В. Д. немало потрудился надъ разработкой этого вопроса, уже переставшаго теперь

быть вопросомъ, такъ какъ въ наше время правъ женщины на высшее образованіе никто не рѣшается оспаривать.

Впрочемъ, относительно учителей авторъ совѣтъ не выступаетъ въ роли прокурора; онъ указываетъ, какъ мы видѣли выше, на отрицательныя стороны школьнаго строя, которыя не могли содѣйствовать возбужденію въ учащихся интереса къ дѣлу. Не можетъ этому, конечно, содѣйствовать и недостаточное содержаніе учителя, заставляющее его иногда обращаться въ своего рода ремесленника, который, ради обезпеченія семьи, набираетъ массу уроковъ и весь день рыщетъ по городу изъ конца въ конецъ. В. Д. находилъ, что, въ интересахъ справедливости, слѣдовало бы приравнять учительское содержаніе и служебное положеніе къ профессорскому, такъ какъ даровитый преподаватель средне-учебнаго заведенія не менѣе принесетъ пользы, чѣмъ кабинетный ученый. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ горячей похвалой отзывался о народныхъ учителяхъ, среди которыхъ, подобно учительницамъ, встрѣчаются нерѣдко лица, «до самозабвенія преданныя своему дѣлу,—настоящіе миссіонеры просвѣщенія». Конечно, педагогическое превосходство народныхъ учителей надъ учителями средней школы объясняется и ихъ спеціальной подготовкой въ учительскихъ семинаріяхъ и институтахъ. Оставаясь справедливымъ, В. Д. вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчалъ и недостатки, иногда свойственные педагогамъ начальной школы—склонность придавать преувеличенное значеніе методическимъ приемамъ въ ущербъ сторонѣ реальной, т. е. содержанію урока.

Чему же учить, чтобы поставить дѣло рациональнѣе? Въ младшихъ классахъ надо избѣгать многопредметности. «Не привыкшіи къ работѣ дѣтскій умъ теряется и не можетъ совладать со многими разнородными знаніями». Разбирая въ этой же статьѣ: «Чему и какъ учить?» цѣлесообразность каждаго изъ учебныхъ предметовъ, авторъ высказываетъ о преподаваніи ихъ много вѣрныхъ и цѣнныхъ мыслей.

«Занятія Закономъ Божіимъ», говоритъ онъ, «часто обращаются въ заурядную долбню, а между тѣмъ какой богатѣйшій матеріалъ представляетъ Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завета для воспитанія ума, чувства и воли!» Особенно большое значеніе придавалъ В. Д. правильной постановкѣ преподаванія роднаго языка, предлагая отводить на этотъ предметъ не менѣе 6 часовъ въ недѣлю въ первыхъ 5 классахъ. Что касается словесности, то, вмѣсто кропотливаго труда надъ ея теоріей и исторіей, слѣдуетъ лучше заниматься съ учениками чтеніемъ художественныхъ произведеній. «Ничто такъ сильно, глубоко и при хорошемъ выборѣ въ высшей степени плодотворно не дѣйствуетъ, какъ художественныя произведенія лучшихъ отечественныхъ писателей. (См. ст. «Чему и какъ учить»). Тѣ же самыя мысли повторены въ рѣчи, произнесенной въ 1883 г. въ Васильеостр. женск. гимназін послѣ панихиды по Тургеневу: «Великій писатель есть и великій на-

ставникъ, раскрывающій для насъ смыслъ той очень мудреной книги, которую мы называемъ «жизнь»; наставникъ, зажигающій наши сердца той любовью ко всему, что стоитъ любить, какою пламенѣть его собственная душа».

Ни одна деталь учебнаго дѣла не ускользнула отъ его пытливаго вниманія, и каждому преподавателю русскаго языка не мѣшаетъ прочесть его интересную «Записку объ ученическихъ сочиненіяхъ».

Взглядъ В. Д. на преподаваніе исторіи и географіи многимъ, пожалуй, покажется оригинальнымъ. Лучше пройти, по его мнѣнію, лишь часть всеобщей исторіи (одну древнюю, напримѣръ), но такъ, чтобъ учащіеся поняли главный смыслъ этого предмета. Въ географіи слѣдуетъ также останавливаться только на самыхъ типическихъ фактахъ, стараясь пріохотить учениковъ къ самостоятельному чтенію научныхъ сочиненій, доступныхъ ихъ возрасту.

Большое вниманіе удѣляетъ В. Д. Сиповскій естествознанію, хотя этотъ предметъ считался въ его время опальнымъ. И здѣсь онъ, какъ истый педагогъ, цѣнитъ не количество, а качество знанія. Наблюденіе и опытъ—вотъ что должно быть выдвинуто на первый планъ; главная роль принадлежитъ самодѣтельности учащихся. Пусть они изучаютъ «живую природу». Отсюда вытекаетъ, само собою разумѣется, необходимость экскурсій, бывшихъ тогда еще рѣдкостью. (Ibid).

Сказанное авторомъ о преподаваніи математики также не устарѣло до сихъ поръ; да оно и понятно при черепашьемъ ходѣ русской педагогики. Преподаваніе математики должно быть упрощено, а не сводиться къ рѣшенію задачъ, непременно сложныхъ, запутанныхъ и замысловатыхъ, обращающихъ математику, «науку по существу простую, ясную и строго-логичную, въ какую-то китайскую головоломку», недоступную для доброй трети учащихся. «Задачи должны быть лишь простыми примѣрами, подтверждающими теорію».

Языки—«самое больное мѣсто современнаго воспитанія». Вѣрный и здѣсь своему основному положенію, В. Д. предлагаетъ изучить одинъ иностранный языкъ, но изучить основательно, занимаясь живой рѣчью въ ея проявленіяхъ, а не мертвящей умъ грамматикой. И эта идея его привилась: въ средней школѣ теперь уже изучаютъ языки именно по новому, натуральному методу.

Разсматривая всестороннюю организацію современной ему школы, авторъ находитъ, что она пренебрегаетъ воспитаніемъ физическимъ, и вотъ дѣти привыкаютъ къ сидячей жизни, къ нездоровой комнатной атмосферѣ, и у нихъ развивается иногда боязнь чистаго воздуха и движенія.

Установивъ, чему учить, слѣдуетъ точно опредѣлить, *какъ* учить. Здѣсь В. Д. опять таки повторяетъ свою любимую мысль, что простое

усвоеніе научной истины въ готовой формѣ не имѣетъ большого педагогическаго значенія; неизмѣримо важнѣе для воспитанія ума процессъ *раскрытія истины*, причемъ учащимся предоставляется большая доля самодѣтельности. Не слѣдуетъ увлекаться вопросной системой, но тѣмъ не менѣе надо придавать урокамъ характеръ живой бесѣды, изучая новый матеріалъ въ классѣ.

Въ связи съ своими справедливыми нападкамі на мертвенность преподаванія, сводящагося лишь къ голому контролю, къ комментированію учебника, покойный В. Д. энергично нападалъ на существующую систему экзаменовъ, изъ-за которой учителя не столько думаютъ о разумномъ преподаваніи своего предмета, сколько о приготовленіи учениковъ къ экзамену, на которомъ, въ сущности, «испытывается только память испытуемыхъ» (см. ст. «Экзамены или репетиціи»).

Въ доказательство того несомнѣннаго положенія, что экзамены вредно вліяютъ не только на физическое, но и на нравственное здоровье учащихся, была помѣщена однажды въ его журналѣ замѣтка о слѣдующемъ печальномъ фактѣ. Двѣ кандидатки на первую золотую медаль шли одинаково по всѣмъ предметамъ; но на послѣднемъ выпускномъ экзаменѣ одна изъ нихъ сплеховала. В. Д., тутъ присутствовавшій, самъ видѣлъ, какъ ея соперница при этомъ просіяла и благодарно перекрестилась. Замѣтка вызвала неудовольствіе со стороны высшаго начальства, но В. Д. въ своихъ статьяхъ, тѣмъ не менѣе, еще нѣсколько разъ обращался къ тому же вопросу.

Признавая необходимость обозрѣнія предмета въ его цѣломъ, онъ отдавалъ предпочтеніе репетиціямъ передъ экзаменами.

Съ постановкой обученія неразрывно связана и школьная дисциплина: духъ школы равно отражается на той и на другой изъ этихъ сторонъ. Этой дисциплинѣ В. Д. посвятилъ особый этюдъ со слѣдующимъ выразительнымъ эпиграфомъ: «Управлять собой есть самое трудное изъ всѣхъ искусствъ».

Важнѣйшая ошибка школьной дисциплины состоитъ въ томъ, что она считаетъ своей главнѣйшей цѣлью внѣшнее благочиніе. «Преждевременными (такъ какъ они предъявляются маленькимъ дѣтямъ) дисциплинарными правилами профанируется законъ: вмѣсто того, чтобы смотрѣть на него, какъ на выраженіе нравственнаго долга, въ школѣ съ дѣтскихъ лѣтъ привыкаютъ видѣть въ немъ мелочныя, произвольныя, излишнія требованія лицъ, облеченныхъ властью, могущихъ наказывать. Наказанія же не только утрачиваютъ нравственное значеніе, но мало-по-малу отъ частаго употребленія и вовсе теряютъ даже свое устрашающее значеніе, если только постепенно не возрастаетъ и суворость ихъ». (См. статью «О дисциплинѣ въ школѣ»).

Но какъ же прививать тогда дѣтямъ хорошія свойства, необходи-

мья для каждаго порядочнаго, культурнаго человѣка? Отнюдь не посредствомъ слишкомъ рано навязываемыхъ правилъ, а путемъ практики, примѣра, упражненія.

Мы знаемъ, что В. Д., при его широкихъ просвѣтительныхъ взглядахъ, не могъ писать только о вопросахъ узко-школьныхъ. Его перо съ чисто-публицистическимъ жаромъ неразъ трактовало о важности высшаго женскаго образованія. Мы упоминали уже, что этого положенія теперь никто не рѣшится оспаривать открыто, но тайные враги и въ настоящее время имѣются у высшихъ женскихъ курсовъ. Что же говорить о томъ времени, когда горячо ратовали за нихъ Сиповскій, т. е. о 70-хъ годахъ прошлаго вѣка? Воюя со своими многочисленными оппонентами, онъ старался доказать, что вопросъ о расширеніи женскаго образованія, какъ и связанный съ нимъ вопросъ о расширеніи сферы женскаго труда, выдвинуты самой жизнью, ежегодно растущимъ процентомъ незамужнихъ и необеспеченныхъ матеріально женщинъ.

Уравненіе мужскаго и женскаго образованія необходимо не только для расширенія сферы женскаго труда, но и для процвѣтанія семейной жизни. «Только въ томъ обществѣ семья можетъ стоять на надлежащей нравственной высотѣ, гдѣ между мужемъ и женой нѣтъ большой разницы въ умственномъ и нравственномъ развитіи. Связь людей между собою обусловливается, главнымъ образомъ, единствомъ, совпаденіемъ интересовъ (см. «Ж. Обр.» 1877 г. ст. «Къ вопросу о женскомъ образованіи и трудѣ»).

Изъ всего вышеизложеннаго читатели, полагаю, уже составили себѣ представленіе о свѣтлой личности рано умершаго педагога и объ его педагогическихъ взглядахъ. «Что же нужно прежде всего нашей родинѣ?» неоднократно спрашиваетъ онъ. Отвѣтъ заключается въ эпитафій къ его статьѣ «Значеніе Петра Великаго въ исторіи русскихъ школъ» («Семья и Школа» 1872 г. № 5). Это слова Паисія Лигарида: «Если бы меня спросили, какіе столпы церкви и государства, я бы отвѣтилъ: во-первыхъ училища, во-вторыхъ — училища и въ-третьихъ — училища». Повторяя эти знаменательныя слова умнаго грека въ другой статьѣ: «Образованіе и Школа» («Ж. Обр.» 1890 г.), авторъ доказываетъ, что вопросъ о просвѣщеніи для Россіи—вопросъ самый насущный и жизненный, отъ рѣшенія котораго зависитъ и настоящее, и будущее нашего отечества. За тѣ 20 лѣтъ, которыя протекли со времени появленія его статьи, дѣло не улучшилось, и попрежнему у насъ мало людей просвѣщенныхъ. «Мы въ ужасѣ пришли бы», продолжаетъ авторъ, «если бы оказалось, что на десять тысячъ солдатъ у насъ нашелся бы всего одинъ человѣкъ, способный руководить этою массою людей, и не ужасаемся, что на двадцать тысячъ человѣкъ населенія приходится у насъ только одинъ

человѣкъ, получающій высшее образованіе. А это дѣйствительно ужасно, ужасно тѣмъ, что мы, всегда готовые дать могучій отпоръ врагу, который осмѣлился бы посягнуть на нашу территорію, въ то же время рискуемъ потерять вполне нашу самобытность подъ натискомъ западно-европейской культуры».

Что касается среднего и высшаго образованія, то взгляды на него автора намъ уже извѣстны. Онъ, однако, напоминаетъ читателю, что школьное образованіе еще не все. «У насъ и между людьми, получившими высшее образованіе, не рѣдкость встрѣтить своего рода «рецидивистовъ», которые утрачиваютъ безслѣдно полученное ими образованіе, такъ какъ оно къ дѣлу часто вовсе не примѣняется, въ житейскомъ обиходѣ почти не требуется, въ семейномъ быту, при низкомъ уровнѣ образованія женщины, значенія тоже не имѣетъ. Но если школа не оканчиваетъ воспитанія человѣка и предоставляетъ жизни довоспитать его, то все же, какъ выше сказано, значеніе ея велико; но она «только тогда исполняетъ свое назначеніе, когда, возбуждая умственный интересъ, даетъ импульсъ человѣку къ разумной, сознательной жизни и къ самосовершенствованію». Всякій имѣетъ право на такое драгоценное имущество, какъ облагороженные чувства, разумные принципы, высокій нравственный идеалъ, а такъ какъ школа помогаетъ выработкѣ этого великаго достоянія, то всякій имѣетъ право пройти черезъ школу, такъ что она на всѣхъ ступеняхъ должна быть открыта всѣмъ желающимъ и могущимъ учиться, безъ различія сословій и состояній. Вотъ взглядъ, который постоянно и настойчиво проводился покойнымъ В. Д.

Развивая дальше свое мнѣніе, онъ утверждалъ, что всѣ учебныя заведенія въ странѣ должны составить со временемъ одно стройное органическое цѣлое, такъ что изъ низшаго училища можно будетъ безъ всякаго затрудненія перейти въ соответствующее высшее.

Въ своей статьѣ «Образованіе и школа» В. Д. далъ намъ обстоятельно разработанный проектъ такой нормальной постановки школьнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ, при которой всякій будетъ въ состояніи избрать себѣ школу по силамъ, по средствамъ и по наклонностямъ.

Если не согласится со всѣми деталями программы, то самыя ея принципы: всеобщность, доступность обученія до сихъ поръ являются даже въ наше время желанной мечтой, хотя В. Д., полный благородной и чистой вѣры въ близкую осуществимость своего проекта, не считалъ своей программой утопій. «Предразсудки и предубѣжденія, мѣшающіе правильному ходу общественнаго развитія» говорилъ онъ, «можно сравнить съ подводными скалами и порогами, нарушающими ровное, спокойное теченіе рѣки. Какъ эти послѣдніе не въ состояніи сдерживать естественное стремленіе рѣки, а могутъ только заставить ее бурлить, пѣниться, пробивать себѣ новыя боко-

вые пути, такъ и предрасудки, враждебные общественному прогрессу, не въ силахъ остановить его, а могутъ только превращать спокойный, ровный ходъ развитія въ порывистый и сбивать его съ прямой дороги на разные обходные кривые пути. Въ томъ-то и благо для общества, чтобъ «вопросы времени» рѣшались *своевременно*. Когда пропускается удобное время для ихъ рѣшенія, тогда они уже обращаются въ общественные недуги» (Ж. О. 1876 г. ст. «Положеніе у насъ вопроса о высшемъ женскомъ образованіи»).

Тѣ крупныя статьи покойнаго Вас. Д—ча, о которыхъ мы говорили на предыдущихъ страницахъ, были только каплей въ морѣ его огромной журнальной работы: хроникѣ въ своемъ журналѣ онъ велъ преимущественно самъ, обращая вниманіе читателей на всѣ явленія педагогической злобы дня. Всего же болѣе занималъ его вопросъ о введеніи у насъ всеобщаго обязательнаго обученія. Своего постоянного сотрудника, также шестидесятника и «одного изъ стаи славныхъ», покойнаго Д. Д. Семенова, онъ просилъ помѣщать въ «Ж. Обр.» постоянные отчеты о состояніи начальныхъ городскихъ училищъ въ Петербургѣ, интересовался ихъ организаціей, ихъ программами, радовался ихъ росту (вѣдь они возникли у него на глазахъ) и высоко ставилъ трудъ городскихъ учительницъ. Неразъ болѣло у него сердце при мысли о тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ должны жить и дѣйствовать народные учителя. Потрясенный до глубины души письмомъ одного изъ нихъ, нашъ педагогъ пишетъ въ хроникѣ («Образованіе» 1892 г.): «Насъ не особенно радуютъ всѣ эти мелкія общества и учрежденія, которыя свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что у насъ есть добрые люди, готовые пожертвовать и личнымъ трудомъ, и деньгами на помощь младшей братіи. Не радуетъ это потому, что мы, русскіе, легко какъ-то утѣшаемся: сдѣлаемъ добра на алтынъ, а довольны на полтину. Всевозможныя частныя благотворительныя общества и учрежденія стремятся помочь въ исключительныхъ, такъ сказать, несчастныхъ случаяхъ, а надо заботиться болѣе всего о томъ, чтобы несчастныхъ людей было по возможности меньше. Роль благотѣльствуемаго человѣка, протягивающаго руку за помощью, не завидна,—не можетъ она и нравственно возвысить человѣка, придать ему энергіи. Если бы наше общество представляло больше цѣлости и единенія, оно не размѣнивало бы дѣла помощи на мелочи, на мелкую благотворительность, а общими силами могло бы собрать такіе капиталы на поддержаніе народнаго образованія и учащихъ въ народныхъ школахъ, что судьба тѣхъ и другихъ была бы совершенно обезпечена. Изъ ста миллионѣвъ жителей нашего отечества, навѣрно, найдется миллионъ человѣкъ, которые не затруднятся обложить себя налогомъ, положимъ, коп. 30 въ мѣсяцъ, на дѣло народнаго обра-

зованія. Подумайте, какой многомилліонный капитал образовался бы черезъ 10—15 лѣтъ, и такой налогъ могъ бы стать постояннымъ».

Однимъ изъ средствъ улучшить положеніе сельскаго учителя является, по мнѣнію автора, падѣленіе его землею, при чемъ такая поземельная собственность не могла бы помѣшать его профессіи, такъ какъ работы на его участкѣ начинались бы вмѣстѣ съ общими крестьянскими работами, когда учительскія обязанности временно прекращаются. Поземельная собственность не только дѣлала бы учителей болѣе самостоятельными, но и крѣпче связывала бы ихъ съ интересами деревни, куда забросила ихъ судьба.

Но всего лучше была знакома нашему хроникеру область среднего образованія; малѣйшія измѣненія программ его интересовали, и онъ, съ присущимъ ему оптимизмомъ, всегда стремился усматривать въ этихъ вариантахъ залогъ лучшаго будущаго. Какъ радовался онъ основанію гимназій Стоюниной, какъ образцовой женской школы. Онъ слѣдилъ за ея жизнью и печаталъ въ своемъ журналѣ ежегодные отчеты гимназій. Каждый фактъ отрицательнаго характера въ педагогическомъ мірѣ приводилъ его въ негодованіе, и онъ спѣшилъ сообщить о немъ въ хроникѣ, заклеививъ, такимъ образомъ, виновныхъ.

Не одно преподаваніе, — и другія явленія школьной жизни находили отраженіе въ интересной и разнообразной хроникѣ В. Д.: то встрѣчаемъ мы здѣсь описаніе школьной елки съ мѣткой характеристикой педагогическаго значенія тѣхъ или другихъ дѣтскихъ развлеченій, то живые рассказы о школьныхъ экскурсіяхъ, при чемъ хроникеръ пользуется случаемъ, чтобъ провести параллель между экскурсіей и простой школьной прогулкой, и предостерегаетъ молодыхъ педагоговъ отъ опасности превратить и экскурсіи въ скучные уроки. Мы знаемъ, какимъ врагомъ формализма онъ всегда являлся, — поэтому не только въ своихъ большихъ статьяхъ, но и въ мелкихъ замѣткахъ въ хроникѣ онъ постоянно повторяетъ свои любимыя мысли о недостаткѣ вниманія въ школахъ къ индивидуальнымъ особенностямъ ученика, вслѣдствіе чего школа для дѣтей служить «своего рода Прокрустовымъ ложемъ, гдѣ у однихъ, превышающихъ средній уровень, умственные порывы или способности, не предусмотрѣнныя системой, устраниются, а у слабыхъ растягиваются до средняго уровня» («Ж. Обр.» 1888, стр. 258).

Ухудшаютъ дѣло также отмѣтки: «Каждый отдѣльный баллъ никакъ не можетъ выражать ни прилежанія, ни знанія ученика. Зачѣмъ же каждый отдѣльный баллъ выставлѣть на видъ, дѣлать его орудіемъ награды, или наказанія, зачѣмъ эта постоянная игра на первахъ учениковъ? Полагаемъ, что, если бы на первый разъ хотя бы этого избѣгли, то наши подрастающія поколѣнія менѣ страдали бы разными первыми разстройствомъ и болѣзнями» (Обр. 1893

5—6, стр. 314). Впрочемъ, многіе недостатки были бы устранены изъ школы, еслибъ она находилась подъ общественнымъ контролемъ. Въ 1891 г. В. Д. приводитъ по этому поводу слова уважаемаго имъ В. Я. Стоюнина: «Выгода общественного контроля», говоритъ послѣдній: «состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что съ нимъ не соединяется никакой власти; онъ выражается въ формѣ желаній, совѣтовъ, указаній; тѣмъ не менѣе, это—такая нравственная сила, которая постоянно поддерживаетъ вниманіе лица къ себѣ, къ своимъ обязанностямъ и дѣлаетъ его лицомъ замѣтнымъ, почтеннымъ въ обществѣ, — слѣдовательно, сила не гнетущая, а возвышающая духъ».

Нечего и говорить о томъ, какъ много мѣста отводилось въ хроникѣ вопросамъ высшаго женскаго образованія: какъ борецъ за просвѣщеніе русской женщины, В. Д. радостно привѣтствовалъ побѣду праваго дѣла—открытіе Высшихъ Женскихъ Курсовъ, и неоднократно печаталъ ихъ отчеты, показывавшіе, въ какой громадной прогрессіи росло число курсистокъ.

Всегда онъ знакомилъ своихъ читателей со всѣми вопросами научно-педагогическаго характера: какъ членъ нѣсколькихъ ученыхъ обществъ, онъ помѣщалъ въ своемъ журналѣ отчеты объ ихъ засѣданіяхъ. Грустное впечатлѣніе производитъ теперь ихъ чтеніе: передъ тобой точно поле старыхъ битвъ,—поле давно пустое, бойцы пали; но все же мы посовѣтовали бы молодымъ учителямъ почитать эти рефераты, эти пренія: они бы увидѣли, съ какой страстностью отдавались прежніе педагоги своему дѣлу, съ какой горячностью они ломали за него копыя.

Мы находимъ въ хроникѣ свѣдѣнія и о дѣятельности благотворительныхъ обществъ, хотя она и казалась хроникеру недостаточно широкой; неразъ онъ винилъ среднюю школу въ безучастномъ отношеніи къ нуждамъ учащихся. Такъ онъ писалъ: «сидитъ собраніе гуманныхъ педагоговъ, разсуждаетъ о томъ, какъ бы убавить классное время, и приходитъ къ заключенію, что огромнымъ облегченіемъ для учащихся дѣтей будетъ, если вмѣсто пяти уроковъ въ день оставлять лишь четыре. Мѣра съ перваго взгляда прекрасная, но только съ перваго взгляда. Тутъ не принято въ соображеніе, что для большинства дѣтей, приходящихъ въ школу, свѣтлыя, просторныя классныя комнаты въ гигиеническомъ отношеніи гораздо удобнѣе, чѣмъ тѣсныя квартирки, гдѣ они живутъ; что для этихъ дѣтей умственная работа на классномъ урокѣ гораздо полезнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ угнетающая картина домашней нужды, тяжелаго труда, недовольства.

Обо всемъ этомъ необходимо подумать и гигиенистамъ, и всѣмъ тѣмъ, кому вѣдать надлежитъ, прежде, чѣмъ въ разныхъ учебныхъ реформахъ видѣть панацею отъ всѣхъ бѣдъ» (Ж. Обр. 1888 г. «Изъ жизни и литературы», стр. 65).

Не отъ одной матеріальной нужды страдаютъ дѣти страдаютъ они и отъ дурного, часто жестокаго, обращенія съ ними взрослыхъ. Этотъ прискорбный фактъ вызвалъ у насъ появленіе «Общества попеченія о дѣтяхъ», всѣ перипетіи созданія котораго мы можемъ прослѣдить по хроникѣ «Жен. Образованія».

Область педагогики обширна, основные вопросы ея перемѣщаются съ частными, которые также имѣютъ свою важность: вѣдь въ великомъ дѣлѣ воспитанія нѣтъ мелочей; поэтому и въ своей хроникѣ, на ряду съ такими обширными темами, какъ воспитаніе воли въ школѣ, сближеніе школы съ родителями и т. д., редакторъ помѣщалъ и методическія замѣтки (напр., объ ученическихъ работахъ по рисованію въ западно-европейскихъ школахъ, о преподаваніи ручного труда и т. п.). Можно сказать безъ преувеличенія, что вся хроника журналовъ «Жен. Образование» и «Образованіе», по многообразію затронутыхъ ею вопросовъ является и полезною энциклопедіею для педагоговъ и, пожалуй, исторіей русской педагогики за добрыхъ два десятка лѣтъ (1876—1895); да и не одной русской, такъ какъ В. Д. слѣдитъ за всѣми выдающимися явленіями и педагогики западно-европейской, своевременно указывая на развитіе женскаго образованія во Франціи, благодаря правительству 3-ей республики, и въ косной до тѣхъ поръ въ этомъ вопросѣ Германіи. Онъ крѣпко любилъ свою родину: объ этомъ говорить вся его работа, вся его жизнь; но «кваснымъ патріотомъ» онъ не былъ и радъ былъ отмѣтить хорошее всюду, гдѣ онъ встрѣчалъ его,—на родинѣ, или на чужбинѣ.

Его тонъ, обычно-спокойный и ровный, въ летучихъ замѣткахъ хроники иногда измѣнялся, становился горячѣе. Оно и понятно: эти замѣтки писались подъ живымъ впечатлѣніемъ прочитаннаго, или услышаннаго,—вызывались иногда необходимостью дать отпоръ литературнымъ противникамъ-обскурантамъ, во время перехватить стрѣлу и вернуть ее въ лагерь врага. Такъ было, напримѣръ, въ роковомъ 1881 году, когда реакціонная печать вздумала обвинять школу и педагоговъ въ событіи 1 марта. Со стороны В. Д. эти нападки встрѣтили самую негодующую отповѣдь. Каждая замѣтная статья въ педагогической журналистикѣ находила отзвукъ въ томъ отдѣлѣ журнала, которому онъ далъ названіе: «Изъ жизни и литературы».

Мы никогда бы не кончили, еслибъ задались цѣлью перечислить всѣ темы, затронутыя В. Д. Сиповскимъ въ этомъ отдѣлѣ. Конечно, многое утратило свой прежній жгучій интересъ злобы дня, но многое до сихъ поръ свѣжо и ново. Чтѣ бы ни говорилъ покойный педагогъ, онъ всегда возвращался къ любимому припѣву—о необходимости просвѣщенія для русскаго народа. Вотъ, что писалъ онъ въ 1895 г. по поводу газетныхъ сообщеній о сектѣ іоаннитовъ: «Къ крайнему сожалѣнію, у насъ все еще смотрять какъ-то опасно на настоящее просвѣщеніе—все думаютъ, что народу достаточно

одной грамотности и церковности. Это—печальная ошибка. Народу нужно то просвѣщеніе, которое пробуждаетъ разсудокъ, заставляетъ человѣка разсуждать. Иначе онъ извратитъ религію и самую церковность обратить въ суевѣріе. Свѣту, больше свѣту нашему народу». (Обр. 1895 г. 5-6). Это были послѣднія печатныя строки В. Д. Синовскаго.